

Рос. муз. газета, 1999, № 5, с. 5

Последний „Алеко“ Федора Шаляпина

Среди известных русских музыкантов, оказавшихся после революции за рубежами России, был Михаил Михайлович Фивейский — композитор, пианист, дирижер. После смерти Фивейского (1956) его вдова, балерина и поэтесса Лидия Яковлевна Нелидова-Фивейская вернулась на родину и написала интересную книгу воспоминаний „На струнах памяти“. Ее подготовкой к печати занималась многолетняя сотрудница журнала „Советская музыка“ („Музыкальная академия“), а потом и нашей газеты — Галина Друбачевская. К сожалению, книга до сих пор остается не опубликованной полностью, хотя отрывки из нее печатались в разных изданиях и по разным случаям.

Например, уже не один раз публиковался фрагмент, в котором мемуаристка рассказывает о неосуществленном замысле Федора Шаляпина, в котором ей довелось принять участие. Речь идет о создании Пролога к „Алеко“ Рахманинова и о выступлении в нем Шаляпина. Проект приурочивался к 100-летию со дня смерти Пушкина. Рассказ Нелидовой-Фивейской опубликован в сборнике материалов и воспоминаний „Этот гений — Федор Шаляпин“, который был в 1995 году выпущен в свет шаляпинским филиалом Музея имени Глинки. Однако опубликован без самого текста Пролога, сочиненного Фивейской и одобренного Шаляпиным и даже Рахманиновым. В преддверии 200-летия со дня рождения Александра Сергеевича нам показалось уместным напомнить об этой странице русской культуры.

Судя по воспоминаниям Фивейской, Шаляпиным двигали следующие мотивы. На встрече в феврале 1935 года в Нью-Йорке он говорил:

„...Через два года исполнится столетие со дня гибели Пушкина на дуэли... Я по-своему хочу отметить эту дату, соединив ее с 45-летием моего служения оперной сцене. И вот двойной юбилей будет моим прощанием с театром. „Алеко“ явится моим последним созданием и последним выступлением на сцене. Да! Я хочу спеть самого Пушкина! А после уж уйти на покой... Вы, конечно, знаете оперу Рахманинова „Алеко“? Знаете, что в Алеко Пушкин вывел самого себя? Между тем из либретто оперы этого не видно. Оперный Алеко — тип неестественный и неприятный, отчего опера и не имеет успеха... А вот если бы к опере написать Пролог, из которого было бы ясно, что за человек Алеко, то опера эта сделалась бы такой же любимой, как и все оперы на пушкинские сюжеты. Зная ваш поэтический стиль и любовь к Пушкину, я обращаюсь со своей просьбой именно к вам...“

Лидия Яковлевна выполнила просьбу Шаляпина: написала Пролог к „Алеко“ и в августе 1935 года отослала текст певцу во Францию. В ответном письме Шаляпин благодарил поэтессу — текст вполне удовлетворил его. Вскоре в парижской русской газете „Последние новости“, в номере от 29 сентября, появилось интервью с Федором Ивановичем. Он говорил: „Погостил я и у С. В. Рахманинова. К нему была у меня усердная просьба. Предстоит пушкинский юбилей. Очень хотелось бы мне спеть по этому случаю „Алеко“. Красивый можно было бы сработать спектакль. Для иностранной публики надо бы сочинить нечто вроде „введения в предмет“ — пролог. Таковой был написан. Вот я и взмолился, чтобы Сергей Васильевич написал музыку для пролога. Жаль мне будет очень, если не напишет. Наш замечательный музыкант занят теперь очень серьезными работами. „Алеко“ своего почему-то не любит. А напрасно! Вещь интереснейшая!.. Мне было бы так приятно спеть что-нибудь новое...“

Во время концерта Рахманинова в Нью-Йорке супруги Фивейские зашли к нему в артистическую, и Рахманинов сказал, что вряд ли сможет сочинить Пролог к „Алеко“, поскольку чересчур занят. К концу 1936 года русское общество в Нью-Йорке, готовясь к пушкинской дате, все же решило поставить рахманиновскую оперу с Шаляпиным в главной роли, и по настоянию пушкинского комитета Фивейская вновь встретила с Сергеем Васильевичем. Рахманинов не дал разрешения на постановку „Алеко“, считая эту оперу юношеской, но сказал, что иногда подумывает о ее переделке, учитывая и текст Пролога. На американских пушкинских торжествах 1937 года „Алеко“ заменили „Евгением Онегиным“; был также исполнен гимн Пушкину, сочиненный Фивейским на слова его супруги.

Текст Пролога „Поэт и цыганка“, сочиненный Нелидовой-Фивейской, сохранился, но не был напечатан. Публикуем монолог Алеко из этого произведения.

Не все ль равно,
Погибнуть глупо на дуэли,
Или томиться длинный ряд
Годов, без смысла и без цели?..
Пить нестерпимой скуки яд,
Внимать недружелюбным сплетням,
Любить неволю и тюрьму
И старцем умереть столетним,
Давно ненужным никому...
В душе младенческой когда-то
Я песни райские хранил...
Любви и дружбе верил свято,
Мечтать о подвиге любил...
Так в утро жизни в сердце бедном

Горела яркая мечта
О торжестве добра победном...
И что ж осталось?... Пустота!
Людей и жизнь изведав рано,
Утратив радость бытия,
Как челн разбитый средь тумана —
В изгнании скитаюсь я...
И те же берега увидел,
По прихоти слепой Судьбы,
Где некогда бродил Овидий,
Где к Августу он слал мольбы...
Не верю я былым кумирам,
Не жду от жизни ничего...
Как дух отверженный над миром —
Смотрю с презреньем на него!

Рос. муз. газета. — 1999. — № 5. — с. 5.

Последний "Алеко" Федора Шаляпина

Среди известных русских музыкантов, оказавшихся после революции за рубежами России, был Михаил Михайлович Фивейский — композитор, пианист, дирижер. После смерти Фивейского (1956) его вдова, балерина и поэтесса Лидия Яковлевна Нелидова-Фивейская вернулась на родину и написала интересную книгу воспоминаний "На струнах памяти". Ее подготовкой к печати занималась многолетняя сотрудница журнала "Советская музыка" ("Музыкальная академия"), а потом и нашей газеты — Галина Друбачевская. К сожалению, книга до сих пор остается не опубликованной полностью, хотя отрывки из нее печатались в разных изданиях и по разным случаям.

Например, уже не один раз публиковался фрагмент, в котором мемуаристка рассказывает о неосуществленном замысле Федора Шаляпина, в котором ей довелось принять участие. Речь идет о создании Пролога к "Алеко" Рахманинова и о выступлении в нем Шаляпина. Проект приурочивался к 100-летию со дня смерти Пушкина. Рассказ Нелидовой-Фивейской опубликован в сборнике материалов и воспоминаний "Этот гений — Федор Шаляпин", который был в 1995 году выпущен в свет шаляпинским филиалом Музея имени Глинки. Однако опубликован без самого текста Пролога, сочиненного Фивейской и одобренного Шаляпиным и даже Рахманиновым. В преддверии 200-летия со дня рождения Александра Сергеевича нам показалось уместным напомнить об этой странице русской культуры.

Судя по воспоминаниям Фивейской, Шаляпиным двигали следующие мотивы. На встрече в феврале 1935 года в Нью-Йорке он говорил:

"...Через два года исполнится столетие со дня гибели Пушкина на дуэли... Я по-своему хочу отметить эту дату, соединив ее с 45-летием моего служения оперной сцене. И вот двойной юбилей будет моим прощанием с театром. "Алеко" явится моим последним созданием и последним выступлением на сцене. Да! Я хочу спеть самого Пушкина! А после уж уйти на покой... Вы, конечно, знаете оперу Рахманинова "Алеко"? Знаете, что в Алеко Пушкин вывел самого себя? Между тем из либретто оперы этого не видно. Оперный Алеко — тип неестественный и неприятный, отчего опера и не имеет успеха... А вот если бы к опере написать Пролог, из которого было бы ясно, что за человек Алеко, то опера эта сделалась бы такой же любимой, как и все оперы на пушкинские сюжеты. Зная ваш поэтический стиль и любовь к Пушкину, я обращаюсь со своей просьбой именно к вам..."

Лидия Яковлевна выполнила просьбу Шаляпина: написала Пролог к "Алеко" и в августе 1935 года отослала текст певцу во Францию. В ответном письме Шаляпин благодарил поэтессу — текст вполне удовлетворил его. Вскоре в парижской русской газете "Последние новости", в номере от 29 сентября, появилось интервью с Федором Ивановичем. Он говорил: "Погостил я и у С. В. Рахманинова. К нему была у меня усердная просьба. Предстоит пушкинский юбилей. Очень хотелось бы мне спеть по этому случаю "Алеко". Красивый можно было бы сыграть спектакль. Для иностранной публики надо бы сочинить нечто вроде "введения в предмет" — пролог. Таковой был написан. Вот я и взмолился, чтобы Сергей Васильевич написал музыку для пролога. Жаль мне будет очень, если не напишет. Наш замечательный музыкант занят теперь очень серьезными работами. "Алеко" своего почему-то не любит. А напрасно! Вещь интереснейшая!.. Мне было бы так приятно спеть что-нибудь новое..."

Во время концерта Рахманинова в Нью-Йорке супруги Фивейские зашли к нему в артистическую, и Рахманинов сказал, что вряд ли сможет сочинить Пролог к "Алеко", поскольку чересчур занят. К концу 1936 года русское общество в Нью-Йорке, готовясь к пушкинской дате, все же решило поставить рахманиновскую оперу с Шаляпиным в главной роли, и по настоянию пушкинского комитета Фивейская вновь встретилась с Сергеем Васильевичем. Разманинов не дал разрешения на постановку "Алеко", считая эту оперу юношеской, но сказал, что иногда подумывает о ее переделке, учитывая и текст Пролога. На американских пушкинских торжествах 1937 года "Алеко" заменили "Евгением Онегиным"; был также исполнен гимн Пушкину, сочиненный Фивейским на слова его супруги.

Текст Пролога "Поэт и цыганка", сочиненный Нелидовой-Фивейской, сохранился, но не был напечатан. Публикуем монолог Алеко из этого произведения.

Не все ль равно,
Погибнуть глупо на дуэли,
Или томиться длинный ряд
Годов, без смысла и без цели?..
Пить нестерпимой скуки яд,
Внимать недружелюбным сплетням,
Любить неволю и тюрьму
И старцем умереть столетним,
Давно ненужным никому...
В душе младенческой когда-то
Я песни райские хранил...
Любви и дружбе верил свято,
Мечтать о подвиге люб...
Так в утро жизни в сер... бедном

Горела яркая мечта
О торжестве добра победном...
И что ж осталось?.. Пустота!
Людей и жизнь изведав рано,
Утратив радость бытия,
Как челн разбитый средь тумана —
В изгнании скитаюсь я...
И те же берега увидел,
По прихоти слепой Судьбы,
Где некогда бродил Овидий,
Где к Августу он слал мольбы...
Не верю я бывлым кумирам,
Не жду от жизни ничего...
Как дух отверженный над миром —
Смотрю с презреньем на него!